

ИРОНИЯ (от греч. *Eironeia*, букв. “притворство”) - философско-эстетическая категория, в основе которой лежит один из самых древних и распространенных видов скрытой насмешки.

Впервые зафиксированная в диалогах Платона, где главным эйроном - носителем иронии - выступает Сократ, И. активно используется в художественной литературе, риторике, публицистике уже на протяжении более чем двух тысячелетий; особое значение приобретает И. в юмористическом и сатирическом искусстве. От эпохи к эпохе толкование И. претерпевало некоторые изменения. В художественной литературе И. определила целое направление в ренессансной публицистике (XVI в.), памфлетистике XVII-XVIII вв., сыграла системообразующую роль в формировании романа нового времени. Видное место заняла И.

в эстетике и художественной литературе западноевропейского (прежде всего немецкого) романтизма. Разнообразны формы и типы И. в литературе XX в.

В многочисленных существующих определениях понятие И. включается в самые разные ряды и трактуется как: эстетическая категория, фигура речи, троп, вид комического, оттенок смеха, способ высказывания (*mode of discourse*) и т.д. и т.п. Правомерное выделение многих типов И. не отменяет необходимости понимания *инварианта* - той общей сущности И., которая проявляется в разнородных текстах и различных областях духовной деятельности человека и цементирует категориальный смысл понятия.

В основе И. как текстуальной данности лежит определенное отношение высказывания к референту. Референтом может считаться явление реального или воображаемого мира, равно как истинная авторская оценка, скрытая с помощью И. Такое отношение можно охарактеризовать как отношение типа оппозиции.

В рамках художественного текста И. может проявляться на нескольких уровнях: стилистическом, уровне характера, сюжетном, композиционном. Наиболее полно исследована т.н. *вербальная И.*, проявляющаяся на стилистическом уровне. Сущность приема может быть определена, например, так: “...человек говорит прямо противоположное тому, что думает. И вместе с тем - это не ложь, ибо он ясно дает понять, что думает совсем не то, что говорит, а как раз наоборот...” (Честерфилд. Письма к сыну. Максимы. Характеры.-М., 1971.-С.5).

Принимая вербальную И. за аналог всякой И., можно выделить несколько ее типов. Это, например, осуждение путем восхваления (англ. *blame-by-praise*), ироническое преувеличение, преуменьшение или недомолвка, ироническое наставление или совет и проч. Истинная авторская оценка чаще всего осознается благодаря текстуальному или ситуативному контексту, содержащему своего рода подсказку для реципиента (читателя, слушателя, зрителя); в устной речи И. выделяется нередко, кроме того, интонационно. Вариативность и типология вербальной И. основательно изучена лингвостилистикой.

Системообразующая роль И. в создании характера персонажа проявляется в абсолютном несовпадении имени либо деклараций персонажа с его релевантными поступками (например, Дон Кихот в первых главах первой части романа Сервантеса, Мальчик-с-Пальчик-Великий в “Трагедии трагедий...” Г. Филдинга и др.). На уровне сюжета с И. встречаемся тогда, когда по воле автора сложные коллизии получают свое разрешение не в результате тривиально ожидаемой закономерности, но как следствие неожиданного поворота событий, а подчас и простой случайности (например, узнавания в комических эпopeях

Г. Филдинга или строение сюжета в экстраваганцах Бернарда Шоу). На уровне композиции И. бывает обусловлена противопоставлением содержательности сегмента (части, эпизода, сцены) и его отмеченности (маркированности) в целостном тексте (примерами могут служить роман Л.Стерна “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена” или композиционное указание в последнем стихе седьмой главы романа А.С. Пушкина “Евгений Онегин”- “Хоть поздно, а вступление есть”).

Особым случаем проявления И. является т.н. драматическая И. (иронический смысл суждения одного из персонажей драмы не ясен его собеседнику на сцене, но понятен зрителям). Что касается проявления И. на философско-мировоззренческом уровне (сократова ирония, романтическая ирония), то она может быть выражена с помощью естественного языка и в ходе филологического изучения сведена к вербальной иронии. Интересный вопрос об иронической ситуации, непременно включающей в себя и реципиента, способного либо не способного понять истинный смысл И., выходит за рамки собственно литературоведения.

Лит.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Изд. 2-е., М., 1990; Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. П., 1973; Дземидок Б. О комическом. Пер. С польск. М., 1974; Посев А.Ф. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М., 1966; Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990; Рощина О.С. Иронический модус художественности (А.П. Чехов, А.А. Блок, И.А. Бунин), Автореферат диссертации. М., 1998; Ernst Behler. Klassische Ironie. Romantische Ironie. Tragische Ironie. - Darmstadt, 1972; Wayne C. Booth. A Rhetoric of Irony. - Chicago; London, 1974; William Empson. Seven Types of Ambiguity. Penguin Books, 1977 (1st ed.- 1930); Ironie und Dichtung / Albert Schaefer (Hrsg.). Mbnchen, 1970; Norman Knox. The Word irony and Its Context. 1500-1755. - Durham, N.C., 1961; D.C. Muecke. The Compass of Irony. - London, 1969.